

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В этом номере журнала мы обращаемся к всегда актуальной, живой и очень разносторонней теме условий и факторов, влияющих на изменения в науке, в нашем случае – политологии. Со времен «парадигм» Куна и «научных программ» Лакатоса и особенно «сильной программы» Блума экстерналистский подход к объяснению изменений в науках становится все более популярным. Он оттачивался в многолетних спорах с интернализмом, объяснявшим научные сдвиги преимущественно внутренними целями, потребностями и ценностями самих наук, и уходил на этой волне от излишнего релятивизма и критицизма. Сегодня экстернализм и связанный с ним прагматизм на подъеме, отражая растущее социокультурное и технологическое влияние на науку. И в этом плане социальные науки и политология как их часть испытывают куда более мощное внешнее давление, чем естествознание. Но все же длительная полемика экстернализма и интернализма не прошла бесследно. И сегодня мы хорошо знаем и об автономии науки, и о ее особом рационально-критическом методе, и о ее кумулятивном и поступательном движении вперед через выдвижения и подтверждения / опровержения гипотез, и о ее формальных и неформальных институтах и сообществах, и о непреходящих ценностях – объективности, беспристрастности, честности, истинности, и о «контекстах открытий» и «контекстах обоснований». Все это делает науку, в том числе и социальную, не очень-то податливым «материалом» для внешних влияний. Она предпочитает двигаться своим курсом и жить по своим правилам, ритмам и циклам, не всегда совпадающим с жизнью других общественных подсистем.

Но при этом мы также хорошо знаем и то, что, согласно экстерналистской традиции, внешнее влияние на науки не только существует, но и проникает в саму их ткань, влияя и на эмпирический базис, и на теоретико-методологический каркас. И в таких социальных науках как политология это происходит особенно интенсивно. История этой дисциплины показывает, как в ней складывался некоторый симбиоз между сциентистской парадигмой «жесткой» научности, опирающейся на строгие методы и беспристрастный анализ эмпирического базиса, и одного из альтернативных подходов к научности, так называемой нормативистской парадигмой, включающей широкий набор методов и использование идеологически и социокультурно нормированных понятий. Если на первом этапе становления политологии они в основном противопоставлялись или были отчуждены друг от друга, то сегодня имеют тенденцию к синтезу.

С точки зрения признания внешних влияний нормативистская парадигма традиционно демонстрирует заметно большую открытость, с одной стороны, допуская в свой теоретический и методологический арсенал значительное число социокультурно обусловленных понятий, положений и интерпретирующих и индивидуализирующих методов. С другой стороны, она также включает сегодня и заметный массив эмпирических исследований и аналитических суждений и методов, заимствованных из сциентистской парадигмы. В то же время меняется и сциентистская парадигма политологии. Расширение эмпирической базы, включение в нее все более сложно интерпретируемых фактов из разных областей жизни требует построения более сложных аналитических моделей и использования сложных сочетаний объективирующих и интерпретирующих методов.

Конечно, синтез парадигм в политической науке не является беспроблемным. Не случайно Алмонд когда-то назвал ее синтетическую парадигму «эkleктичной», указывая на имеющиеся в ней противоречия и проблемы. Периодически среди политологов вспыхивают дискуссии о строгости и объективности методов их науки, о влиянии на нее практических интересов и целей из окружающих контекстов, об объективном статусе эмпирической базы в политике, о сущем и должном в познании политики и др. Примеры таких дискуссий в прошлом хорошо известны. И сегодня дискуссионность сохраняется. Ее дополнительным фактором являются также ускоряющиеся технологические изменения, активно воздей-

ствующими как на познавательный арсенал политической науки, так и на сам предмет ее изучения – социально-политическую реальность, переживающую мощные технологические сдвиги. При работе над темой номера мы старались по возможности учитывать эти соображения и отразить их в подборе материалов.

Переходя к содержанию номера, следует отметить, что мы стремились представить широкий спектр авторских подходов и способов анализа материала. И тема номера, располагающаяся на стыке как собственно предметной, так и историко-научной, социолого-научной и науковедческой проблематики, это позволяла. Авторы номера используют разные методы исследования и привлекают внимание к различным аспектам взаимодействия политической науки с окружающей социальной и технологической реальностью.

В открывающей номер традиционной рубрике «Состояние дисциплины» мы представляем три статьи, в которых изучаются как долгосрочные, так и краткосрочные факторы влияния на отечественные политические исследования. В первой и достаточно объемной статье Н.А. Борисова рассматриваются долгосрочные, более чем тридцатилетние, тренды развития политической науки в России, которые находят проявление и в тематике, и в теории и методологии исследований. Исследование материала автор ведет вполне апробированным историко-научным и науковедческим методом анализа тематик, подходов и направлений постсоветских политических исследований. Примечательным и вполне валидным представляется и его основной вывод. Эти исследования в значительной мере сместились к изучению авторитарных форм и методов правления и их влияния на политику в целом, которые они пытаются исследовать более глубоко и всесторонне.

Во второй статье рубрики, в отличие от первой, С.В. Расторгуев и Р.В. Парма касаются влияния краткосрочных факторов, к которым отнесены темы СВО, санкций и др. Анализ тематической повестки исследований, проведенный самым простым количественным методом, показывает тем не менее весьма интересные результаты. Он демонстрирует своего рода «запаздывающую» реакцию поля российской политической науки на эти события, которую сами авторы объясняют «лагом запаздывания», свойственным научным исследованиям. По сути, это один из аспектов той автономии науки, которая часто дискутируется в историко-научной методологии.

В рубрике «Ракурсы» мы помещаем две статьи, которые (каждая под своим ракурсом) отражают влияние на политическую науку и ее методы технологических и социальных изменений.

В первой из них А.В. Кузнецов привлекает внимание к проблеме доступа исследователей к качественной информации, которая в условиях растущего информационного изобилия приобретает новые оттенки. В этой связи он особо подчеркивает три момента: более вдумчивую и качественную работу со статистическими данными; использование в исследованиях выводов монографий, в том числе и тех, которые были изданы в недавнем прошлом; внимание к методам так называемой медленной науки, связанным с накоплением и тщательным осмыслением больших массивов фактической информации.

Во второй статье Ю.Г. Коргунюк показывает, как рост технической (компьютерной) оснащенности современного политолога позволяет ему расширить применение количественных методов в традиционных для политологии электоральных исследованиях для получения новых знаний, а также вносить изменения и в ряд традиционных концепций (электоральных, политических, социальных, территориальных размежеваний).

В рубрике «Контекст» представлены две статьи, сфокусированные на технологическом контексте политической науки, или на практико-политическом и организационно-управленческом.

В.С. Авдонин и В.Л. Силаева привлекают внимание к такому нашумевшему технологическому событию последнего года как появление нейросетей нового поколения в широком доступе. Чтобы лучше понять его значение для политической науки, они предлагают предварительно познакомиться с принципами работы, возможностями и сферой применения этой технологии, а также прояснить способ философского отношения к ней. Таковым авторы считают философию информации, изложенную в работах философа Лючано Флориди. В социальных науках и политологии, как их части, появление этой технологии будет стимулировать расширение междисциплинарных областей вычислительных социальных наук и усиливать их экспансию в традиционные области. В отношении политической науки авторы прогнозируют два возможных сценария – более вероятный «адаптационный» и «ревизионистский», при этом последний может вести к глубокой перестройке политических теорий.

Во второй статье рубрики А.Ю. Сунгуров и Д.А. Киселева основное внимание уделяют политической науке в организационно-управленческом и функциональном контексте отечественных проправительственных «фабрик мысли». Авторы давно изучают этот контекст, их исследование является лонгитюдным, охватывая два последних десятилетия. Они выделяют несколько функций, выполняемых этими структурами, обращая особое внимание на научно-исследовательские и научно-аналитические. В целом, оценивая выполнение этих функций как приемлемое, они отмечают в долговременном плане их постепенное ослабление, выражающееся, в частности, в сокращении научно-рекомендательной результативности, ее «перетекании» в зону «для служебного пользования», в усилении пропагандистской функции, появления функции «распределения ресурсов», а также в заметном клиентском характере этого контекста в целом.

За пределами темы номера в разделе «Ретроспектива» мы публикуем статью Д.С. Мухортова и И.Э. Стрельца о результатах опроса студенческой молодежи, направленного на выявление гражданских ценностей, проведенного в этом году в ключевых московских вузах, а также работу Н.А. Шавеко в которой автор предлагает понимание справедливости через категорию равенства.

В рубрике «Первая степень» также представлены две статьи наших молодых коллег. И.Е. Кочедыков анализирует влияние на политическую науку такого технологического явления как непрерывно растущие цифровые массивы «больших данных» в самых разных областях жизни. Он также отмечает, что наиболее подходящим способом обработки и анализа этих данных являются алгоритмы «машинного обучения». В целом автор выделяет тенденцию большей осторожности и методологической точности в применении как больших данных, так и машинного обучения, заметную на переднем крае политологических исследований.

А.Б. Боюн в своей статье анализирует основные подходы современных исследователей к определению понятия «публичная дипломатия» и классификации систем ее конкретных измерений, предпринимая попытку разработать критерии сравнительного анализа этого инструмента внешней политики.

В рубрике «Книжная полка» на этот раз мы представляем рецензии на три свежие научные публикации, которые привлекли наше внимание и, надеемся, заинтересуют читателей. Среди этих

книг – работа гарвардского профессора Матиаса Риссе, которая в какой-то мере связана с темой нашего номера. Кроме того, в номере представлена рецензия на публикацию переводов произведений ряда классиков американской политологии первой половины XX в. (представителей чикагской школы политической мысли), а также на книгу о языке популизма, написанную британским лингвистом, профессором Полом Чилтоном.

В.С. Авдонин*

---

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

Avdonin Vladimir, INION (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru